

РОНАЛЬД ФРЕДЕРИК
ДЕЛДЕРФИЛД

НАПОЛЕОН

Изгнание из Москвы

Рональд Делдерфилд

Наполеон. Изгнание из Москвы

«Центрполиграф»

УДК 94(44).05
ББК 63.3(0)52

Делдерфилд Р. Ф.

Наполеон. Изгнание из Москвы / Р. Ф. Делдерфилд —
«Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5827-7

Интереснейшее исследование реальных событий русской военной кампании Наполеона 1812 года, признанной самой страшной катастрофой XIX века. Автор раскрывает причины и последствия противостояния русского и французского самодержцев, дает объективные портреты Наполеона и русского монарха Александра I. В книге рассмотрена военно-политическая обстановка в Европе, дан подробный анализ военных стратегий противоборствующих имперских режимов, причин сокрушительного поражения Наполеона в России. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(44).05

ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-9524-5827-7

© Делдерфилд Р. Ф.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	10
3	13
4	18
Глава 2	21
1	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Рональд Фредерик Делдерфилд

Наполеон. Изгнание из Москвы

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2022

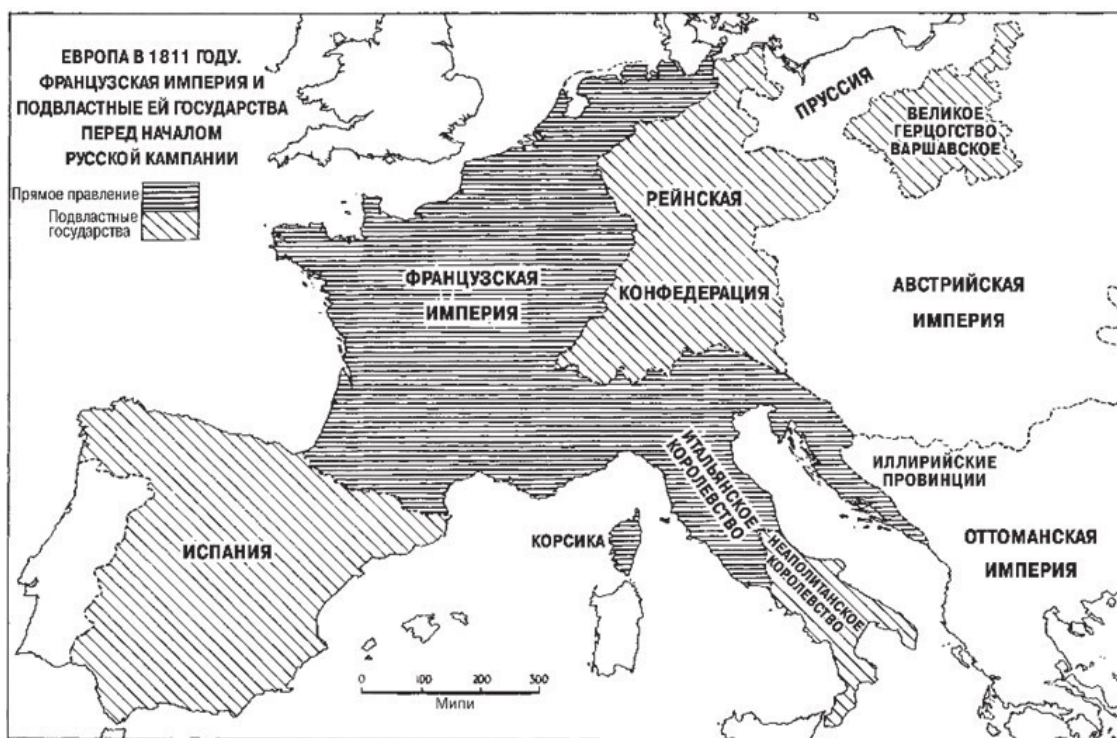
Глава 1

Какая дорога ведет в Москву?

Я всегда готов к переговорам о мире...
Наполеон в Вильно

1

30 июня 1812 года небольшая группа профессиональных военных и дипломатов заседала в одной из комнат дома в старинном городе Вильно, позже ставшем столицей Российской Литвы. Один из заседавших – русский, остальные пять – французы. Бездарного (как выяснилось) русского от имени монарха уполномочили выяснить, почему огромная Французская армия – самая большая военная сила того времени – напала на Россию. Из пяти же французов все присутствующие были людьми известными, но один из них, Наполеон Бонапарт, – самый прославленный человек в мире. Он сразу задал тон встречи, вдребезги разбив плохо державшийся оконный вентилятор, потому что непрекращающееся дребезжание последнего на сквозняке действовало ему на нервы. Оконная рама треснула, и осколки стекла со звоном посыпались на пол.

Никто не придавал значения этому инциденту. Человек, за 16 лет перекроивший всю Европу, имел право разбить окно, если это действие могло его успокоить. В свое время он разбил намного больше окон, среди которых были и окна дворцов, где жили наследные короли.

И вот теперь шестеро мужчин сели за стол и начали свой разговор. Ни маршал Бертье, знаменитый начальник главного штаба Великой армии, ни маршал Бессьер, когда-то цирюльник, а ныне командующий Старой гвардией, не проронили ни слова. Они находились здесь,

чтобы слушать, как обычно, а не говорить. Дюрок, добрый гофмаршал, наверное, сказал что-то, и если Коленкур, бывший французский посол при дворе Александра I в России, и добавил что-нибудь важное к этой дискуссии, то в его записях это так и не отразилось.

Вот о чем говорили русский генерал и император Франции, под единоличным командованием которого находилось почти 400 тысяч вооруженных человек, маршировавших в это время по западным провинциям России. Французский император задал множество вопросов и получил столько же вежливых ответов. Он хотел знать, сколько людей живет в Москве, сколько в ней домов и церквей. Когда русский генерал ответил, что в Москве 340 церквей, Наполеон презрительно заметил, что в новое время люди не религиозны. «Это не так, – спокойно возразил русский генерал Балашов, – может быть, они не религиозны в Германии или Италии, но не в Испании и России».

Это было колкой насмешкой. В тот момент, когда происходил их разговор, 100 тысяч французов в беспорядке отступали по испанскому полуострову, гонимые небольшой британской армией, и весь мир смеялся над их бегством. Одна из основных причин поражения французов в Испании – фанатичная вера испанских крестьян, побуждавшая их к сопротивлению. Балашов намекал на то, что на востоке Наполеон вскроет еще одну такую же язву раньше, чем появятся перспективы на ее исчезновение на западе.

Наполеон секунду помолчал, смерив взглядом своего собеседника, будто обдумывая, на что он способен, затем резко спросил: «Какая дорога ведет в Москву?»

На этот раз русский задумался. «Я считаю, что у этого вопроса нет ответа, – сказал он через некоторое время, – у нас в России, мы, как и вы, говорим, что все дороги ведут в Рим. Дорога на Москву – дело выбора. Карл XII пошел через Полтаву».

Шведский король Карл XII напал на Россию во времена Петра Великого за 104 года до этого. При Полтаве он потерпел сокрушительное поражение и, оставшись почти что один, бежал через Неман¹.

* * *

Когда происходил этот обмен мнениями, французское вторжение в Россию длилось уже шесть дней. 22 июня объявили войну. 24 июня огромные силы французов и бесчисленные полки их союзников по трем понтонным мостам перешли через Неман и по пыльной дороге

¹ Карл XII, король Швеции, был противником Петра Великого в первые годы XVIII столетия. Его вторжение в Россию в 1708 году походило на нападение Наполеона, поскольку тоже началось с завоевания Польши и размещения там баз снабжения, перед тем как двинуться на Гродно с 33 тысячами великолепно тренированных солдат. Царь отступил, воспользовавшись приблизительно той же тактикой, что и Багратион с Кутузовым, но его положение было более опасным, потому что он столкнулся с четырьмя разрозненными мятежами внутри собственного царства. Царь Петр изо всех сил старался договориться со шведами, но Карл, невероятно упрямый человек, отклонил его попытки и заключил союз с Мазепой, гетманом днепровских казаков. Совершив ту же ошибку, что и Наполеон, он продвинулся слишком далеко от своих баз, перейдя через Днепр и уцелев в невероятно холодной зиме 1708/09 года. Тем временем царь расправился с разными мятежниками и сумел атаковать Карла XII под Полтавой 27 июня 1709 года. Битва началась в 4 часа утра и продолжалась до 11 часов. Шведы были наголову разбиты, а их король вместе со своим казацким союзником, оставшись почти вдвоем, бежали. Тем же вечером Петр провозгласил тост за пленных шведских офицеров: «За моих учителей в искусстве войны». Стр. 16. Когда Наполеон отказался от своего плана напасть на Британию ранней осенью 1805 года и двинул свою армию на юго-восток против австро-русских армий, стоявших у Ульма и в Богемии, Пруссия не присоединилась к антифранцузской коалиции. Австрия и Россия были наголову разбиты при Аустерлице. В следующем году король Пруссии допустил крайнюю неосмотрительность, в одиночку напав на Наполеона, не дождавшись свежих русских сил, которые должны были прийти к нему на помощь. В гористой Тюрингии, у Йены, главные силы Наполеона столкнулись с частью прусских сил. Пруссаки были полностью разгромлены, французы бросили все силы на преследование остатков их полков. В тот же самый день двигавшийся отдельно корпус Даву наткнулся на главные силы прусской армии, во главе которых стояли король и герцог Брунсвик. Французов насчитывалось 27 тысяч, а пруссаков, наголову разбитых, – 60 тысяч. Маршал Бернадот, корпус которого находился в 11 километрах от поля битвы, участия в ней не принимал. Маршал Даву за свою блестящую победу получил титул герцога Ауэрштадтского, по имени деревни, у которой состоялось сражение. Дивизионные командиры Даву, генералы Гуден, Фриан и Моран получили в Великой армии прозвище «Бессмертные».

двинулись на Вильно, не встречая на своем пути никакого сопротивления. Самое рискованное военное предприятие из всех, которые случались в истории ранее, началось.

По своему размаху эта военная авантюра не знала себе равных до тех пор, пока 102 года спустя армия фон Мольтке, состоявшая из миллиона немцев, не совершила своего исторического правого обходного маневра для завоевания Парижа долгим и жарким летом 1914 года. Но даже этот гигантский маневр – знаменитый план Шлиффена по захвату Парижа за шесть недель² – не был таким грандиозным провалом, как поход Наполеона на Москву летом 1812 года. В 1914 году у немцев, несмотря на то что на Марне они были отброшены назад, хватило сил окопаться и удерживать свои позиции еще четыре года; неудачное же французское вторжение в Россию провалилось менее чем через четыре месяца после своего начала, а через шесть недель после своего окончания правительства Европы признали его самой страшной военной катастрофой всех времен.

Из полумиллиона солдат и сопровождавших армию гражданских, переправившихся через Неман 24 июня 1812 года, вернулся лишь каждый десятый, не считая отпущенных военнопленных. Из 100 тысяч погибших солдат, которые все-таки дошагали до Москвы, лишь несколько тысяч полусумасшедших беглецов прошли по мосту у Ковно в середине декабря. С точки зрения военных достижений даже вторжение нацистов в СССР в 1941 году было более удачным, чем поход Наполеона.

Никто и никогда не сможет назвать всю цену, заплаченную Францией и подвластными ей европейскими государствами за то, что нельзя назвать иначе, чем полное безумие Наполеона. Потери и со стороны французов, и со стороны русских были колоссальны. Месяцы спустя после появления полного жестоких откровений императора 29-го военного бюллетеня, из которого Париж узнал о поражении, каждая парижская семья одевалась в черное. И до сих пор трудно представить количество всех разрушений и человеческих жертв.

Наполеон преуменьшал его, враги Франции преувеличивали, а русская статистика вовсе не вела счета сотням тысяч русских солдат и гражданских, которые сначала защищали, а затем вновь отвоевывали 1100 миль земли от Ковно до столицы и от столицы до Ковно. То же самое, без страха преувеличения, можно сказать о тех 100 тысячах французских солдат, прошедших весь путь до Москвы, но отнюдь не о тех 10 тысячах, которые вернулись обратно, развеяв миф о непобедимости Наполеона Бонапарта. Больше никогда, несмотря на победы над колоссальными силами противника, ветераны Египта, Аустерлица, Йены, Фридланда и Ваграма или пришедшие им на смену рекруты набора 1813-го и 1814 годов не воевали с той одержимостью, превратившей послереволюционную Францию в самую грозную военную державу в Европе. Оказавшись в России, старые командиры пали духом, вера в победу покинула солдат, от молодых офицеров до старых усачей. Французы, от рядовых до маршалов, вошли в Россию, будучи уверенными в том, что их ожидает еще одна великая победа. Те из них, кто остался в живых после Русской кампании, несли вирус этого поражения в заново возрождающиеся армии, которым суждено было сражаться еще в течение 20 месяцев, сдерживая конфедерацию европейских сил, пока не настал момент, когда парижане увидели русских казаков, скачущих по Елисеевским Полям. Французы шли в русский поход как завоеватели. Они вернулись, зная, что империя обречена.

Война с Россией оказалась игрой, в которой сам Наполеон поставил на карту все, начиная со своих первых побед в Италии 16 лет назад. В июне 1812 года ни он и ни кто другой этого не понимал. Наполеон и Европа, вместе или порознь, уже не рассматривали поход в Россию как войну, в этом видели скорее карательный жест в целях демонстрации могущества возродившейся Франции, и Наполеон начал эту кампанию без всяких территориальных амби-

² Согласно плану Шлиффена, немецкие войска должны были разгромить Францию, совершив бросок через Бельгию на Париж, а после окружения французской армии бросить все силы на войну с Россией. (Здесь и далее примеч. пер.)

ций. Это было попыткой продемонстрировать России, своему самому грозному противнику на Европейском континенте, что она падет и тем самым станет в один ряд с европейскими государствами, признавшими французское владычество. Однако Русская кампания оказалась далекой от безрассудной игры, которую начинают, поддавшись импульсу. Наполеон, готовясь к ней более 18 месяцев, тщательно разрабатывал планы по снабжению армии продовольствием с учетом того факта, что это происходило в то время, когда отсутствовали железные дороги, консервированные продукты и коммуникации лучше гелиографа³.

Для размещения базовых складов на пути следования армии Наполеона – самой совершенной военной машины из всех, которые когда-либо готовились одним командующим для одной кампании, – были выбраны удачные места, с достаточным количеством боеприпасов. Провизию заготовили для развертывания баз на передовой, для пехоты и кавалерии, для обеспечения постоянного притока фуража, для того чтобы снабжать большое количество солдат в полевых условиях. Военная стратегия Наполеона, простая и прямолинейная, обычно себя оправдывала. Его поражение, а поражения такого масштаба случались с немногими полководцами, повергло в изумление даже циников.

Вот трагическая история о том, что произошло с Великой армией за период, длившийся 179 дней, с 24 июня по 19 декабря, когда герой отступления Мишель Ней, стоя на деревянном мосту, пересекавшем Неман у Ковно, последний раз с презрением разрядил ружье в своих преследователей. Доминирующей темой этого похода стали ужас и жестокости беспрецедентных размеров и вместе с тем самопожертвование, невероятная смелость и мужество размеров героических.

³ «Гелиограф – сигнальный аппарат для разговора на далекие расстояния (до 60 верст), состоящий из двух зеркал – одного на станции получения и другого на станции отправления. По изменению положения зеркала на одной станции и мерцаниям зеркального изображения на другой и судили о передаваемых сигналах, согласно особой азбуке, составленной по продолжительности освещения. Употребляется в случае сигнализации для военных целей» (из энциклопедии Брокгауза и Евфрона).

2

Два противника, решивших помериться силами в июне 1812 года, были номинальными союзниками до момента объявления войны.

Союзничество продлилось ровно пять лет – с того момента, как после эффектного поражения России при Фридланде в 1807 году был подписан Тильзитский договор. После его подписания царь Александр остался в стороне от происходивших в Европе событий и мог только наблюдать, как императорская Франция, подобно волне, постепенно заполняет Европу, растекаясь от равнин и спускаясь к дальним краям континента. Эта волна поглощала все островки сопротивления, принадлежавшие членам каждой королевской семьи и каждому мелкому владыке от Лиссабона до Москвы. Такую цену Россия заплатила за свою неудачную попытку предотвратить падение империи Габсбургов в битве при Аустерлице в 1805 году, когда она была союзницей австрийцев, и за промедление в оказании военной помощи Пруссии, когда в следующем году это государство бросит вызов Франции в битве при Йене*.

В феврале 1807 года между русскими войсками и Великой армией произошло несколько стычек во время битвы при Эйлау, но четыре месяца спустя, при Фридланде, русскую армию наголову разгромили, после чего на плоту, стоявшем на якоре посередине Немана, состоялась знаменитая встреча двух самых влиятельных людей в Европе.

По условиям этой встречи, следствием которой стал Тильзитский мирный договор, царь Александр фактически развязывал руки Наполеону для объединения завоеванных государств; некоторые из них, как, например, вновь созданное Великое герцогство Варшавское, оказались отрезанными от находившейся под царским владычеством Польши, что только подстрекало остальные ее субъекты к отделению от России. И все-таки эти территории не могли стать тем камнем преткновения, заставившим Александра и его советников отказаться от соблюдения договора, а Наполеона вынудившим напасть на Россию. Сопротивление части русской аристократии также вряд ли было обусловлено желанием отомстить за унижение, пережитое при Аустерлице, когда они готовились уговорить царя скорее заключить мир, чем рискнуть подвергнуть себя опасности и позволить своим подданным заразиться идеями революции. Причиной раскола – как это обычно случается, если народы воюют между собой, – послужили напряженности, возникшие из-за нарушенной торговли, когда Россия стала сначала молчаливо, а под конец самым вопиющим образом нарушать Берлинские соглашения о континентальной блокаде. При помощи блокады Наполеон намеревался победить Британию, запретив ее судам швартоваться в континентальных портах, и тем самым разрушить ее торговлю. Британия – единственная европейская страна, продолжавшая вести войну против Франции. С короткими перерывами она делала это с того дня, как отрубленная голова французского короля Людовика XVI упала в корзину на площади Революции. И она будет продолжать делать это, явно или скрыто, до тех пор, пока не прозвучит последний картечный залп при Ватерлоо три года спустя. Британия будет не только блокировать Францию с моря, воевать с ней на суше в Испании и Португалии, она объявит о своей готовности заплатить любой стране, которая присоединится к ней в борьбе с Наполеоном. Цена этих непрекращающихся усилий, войны, которая велась сейчас половиной поколения, была чудовищной, но Британия зашла уже слишком далеко, чтобы бросить Европу на волю рока и ограничиться только демонстрацией своего бесспорного превосходства на море, начавшегося с победы у Нила и закончившегося при Трафальгаре.

Британия рассматривала громадную царскую империю как самую большую прореху в стене, которую Наполеон выстроил вокруг Европы. Для офицеров французской таможни было сравнительно просто гарантировать, что, за исключением небольшой, хорошо контролируемой контрабанды, Берлинские соглашения будут выполняться в таких портовых городах, как Копенгаген, Гаага и Триест. Но совсем иное дело – закрыть для всех британских товаров рынки

России и предоставить российским купцам возможность пользоваться всеми преимуществами этой сомнительной свободы. Даже когда был подписан Тильзитский мирный договор, постоянный приток британских товаров шел в страны континента через Россию, и царь Александр, несмотря на то что он открыто восхищался Наполеоном, совсем мало делал или совсем ничего не делал, чтобы остановить этот поток. Таким образом, политика Наполеона, направленная на разрушение Британии, с самого начала была обречена на неудачу. В 1812 году континентальная блокада закончилась полным провалом, и исправить положение мог только мир, подписанный на завоеванной русской земле.

Имелись и другие, более мелкие причины для обоюдного гнева. Царь обложил пошлиной ввозимые в Россию французские товары. Негодование после неудач последней войны продолжало терзать некоторых русских профессиональных военных. Территория Ольденбурга, принадлежавшая жене русского престолонаследника, аннексировалась Францией. Все три причины только способствовали разрыву, но принципиальным разногласием оказался кавалерийский натиск Наполеона, с которым он определял свою политику с тех пор, как решил развестись с Жозефиной и жениться на женщине, способной подарить ему наследника.

В то время, летом 1809 года, Наполеон вел серьезные разговоры о том, чтобы выбрать в жены сестру русского царя, пятнадцатилетнюю Анну. Но это намерение не вызывало одобрения у русской знати, и царь мешкал с ответом Наполеону, для которого слово «терпение» звучало как богохульство, и он, прекратив свои попытки, женился на дочери Франца, императора Австрии. Официальной причиной отказа от женитьбы на русской великой княжне он объявил тот факт, что она еще слишком молода, чтобы родить сына, тогда как Мария-Луиза, 18 лет от роду, более способна сделать это.

Ее мать родила 13 детей, а прабабушка – 26.

Александр разделял нежелание своих советников способствовать брачному союзу между домами Романовых и Бонапартов, но был тем не менее крайне раздосадован поспешной женитьбой Наполеона на более уступчивой австрийке. Это послужило еще одним диссонансом в одностороннем дуэте двух самодержцев, который разыгрывался за счет Европы последние пять лет. Когда выяснилось, что лучшие из французских батальонов и их блестящие военачальники увязли в войне на Пиренейском полуострове, отношения Александра со своим другом и союзником заметно охладились. Все больше запрещенных британских товаров просачивалось в Европу. Все больше лазеек и поправок подыскивалось, чтобы обойти условия Тильзитского мирного договора. Александр уклонялся от прямого ответа, и Наполеон, впервые в своей жизни наслаждавшийся миром у себя дома, потакал ему, но начиная с середины 1810 года каждый участник этой игры, где обе стороны блефовали, понимал, что она в конце концов приведет к войне. В 1811 году велись усиленные приготовления, и посольства продолжали сновать между Санкт-Петербургом, Москвой и Парижем вплоть до весны 1812 года. Однако после этого конфронтация стала неизбежной. Это было равносильно тому, что либо Наполеон допустит царя в качестве равного партнера в деле раздела и полной реорганизации Европы, либо Александр будет вынужден извиваться, как червяк на крючке, чтобы заслужить милость Наполеона. Для этого ему придется прекратить все контакты с Британией, смириться с присутствием французских гарнизонов в Пруссии и быть готовым к перспективе того, что рано или поздно каждый поляк из подвластных ему территорий станет под французский триколор, лелея надежду на возрождение древнего Польского королевства.

1 июля, вскоре после того, как он получил от царского посланника, генерала Балашова, вежливый отказ, Наполеон написал царю письмо, выдержанное в тоне огорченного, снисходительного отца, пытавшегося урезонить своевольного сына: «Я перешел через Неман глубоко убежденный, что сделал все, что в моих силах, чтобы избавить человеческий род от этих досадных злоключений, во имя удовлетворения моей репутации, чести моего народа и святости соглашений...

Теперь меж нами война. И даже сам Господь не сможет исправить содеянного. Но я всегда готов к предложениям о мире...»

На этот елейный призыв Александр ответа не прислал. С почти полумиллионной армией, в течение недели пересекшей его границу, у него были дела, которые он мог счесть более неотложными.

3

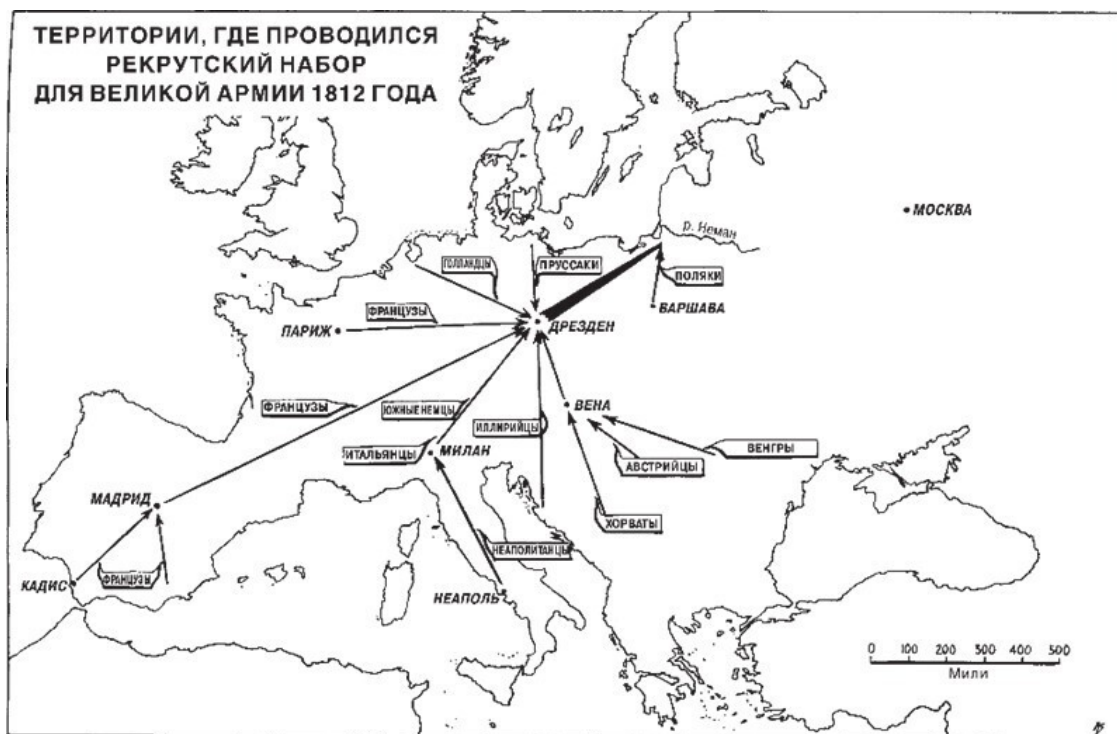
Гигантские армии, состоявшие из варваров или полудивилизованные, маршировали по Европейскому континенту со времен падения Римской империи. Но еще никогда под единовластным командованием одного человека никто не видел таких военных сил: военные резервы Франции, низинной Европы, Италии, Германии, многонациональной Габсбургской империи, части Польши, части Испании и сфер влияния далеко за пределами открытых границ. Это был лидер, имперский символ которого, бронзового орла, водрузили над Кадисом, в Померании, в Литве и даже так далеко на юге, как в Калабрии, в конце итальянского «сапога». Короли, принцы, герцоги, графы, местные царьки и чиновники высокого и низкого ранга, подкупленные, запуганные или изгнанные со своих территорий, стояли перед выбором: вернуться обратно второстепенными сатрапами либо поискать себе постоянного убежища за Ла-Маншем или по ту сторону Атлантики. Италия была покорена, Испания и Португалия опустошены французскими армиями. Положение Голландии и Саксонии понизилось до статуса территории, поставлявшей рекрутов для Великой армии. Пруссию с ее военным наследием Фридриха Великого разгромили в течение одной короткой кампании. Громоздкая империя Габсбургов, просуществовавшая более шести столетий, была побеждена в 100 небольших и полудюжине более крупных сражений и предлагала мир ценой династического альянса. Французские войска держали свои гарнизоны и на восточных берегах Адриатики, и на границах наполовину несуществующей Османской империи. И только на Пиренейском полуострове французские орлы встречали упорное сопротивление.

Но это было не все. Объединение завоеванных земель шло с опасной быстротой. Двое из братьев Наполеона заняли опустевшие троны, третий имел созданное для него королевство. Три сестры Наполеона заправляли в другом месте, одна делила трон с маршалом Франции, мужа двух других были шутами. Территория, ныне известная как Западная Германия, стала Рейнской конфедерацией, а ее номинальные правители получали указания из Парижа. Апогеем французского триумфа с 1792 года может считаться прочтение титулов некоторых бывших якобинцев – соратников по оружию Наполеона: герцог Истрии, герцог Данцигский, герцог Альбуйерский, князь Ваграмский. «Если у них самих такие звучные титулы, – сказал Наполеон, лишь наполовину шутя, – что они могут возразить против моего?»

За 16 лет военная империя настолько разрослась, а количество завоеванных народов так увеличилось, что трудно даже представить всю дьявольскую пестроту армии, ввязавшуюся в русскую авантюру жарким июльским днем 1812 года. Она состояла, как минимум, из 18 национальных формирований, часть из которых пошла на войну по собственному выбору, часть подчинилась команде своих побежденных и вовсе не обрадованных перспективами участия в этом походе правителей, остаток же был неохотно набран из бывших противников французов. Как минимум половина этой армии состояла из сомнительного военного материала, но вот люди, командовавшие ими, таких недостатков не имели. Все без исключения командиры – люди умные, смелые, за их плечами была не одна война. Именно их военный опыт должен был лечь в основу этой армии и объединить вокруг себя остальных. В летние дни по pontонным мостам через Неман прошли: швейцарцы, австрийцы, пруссаки, поляки, иллирийцы, рейнские немцы, северные итальянцы, неаполитанцы, саксонцы, баварцы, вестфалы, португальцы, испанцы, литовцы, венгры, голландцы и хорваты. Но настоящее ядро армии составляли французы. Позднее Наполеон и начальник его генерального штаба Бертье имели возможность убедиться в этом.

При подсчете огромных потерь французов становится понятно, что изначальную мощь Великой армии оценить трудно. Ее ядро составлял генерал Гурго, один из помощников Напо-

леона, в распоряжении которого было не менее 350 тысяч штыков и 984 орудия, а по другим оценкам, немного больше, по некоторым – даже вдвое больше.

Один французский историк в своих оценках доходит до числа в 355 тысяч пехотинцев, 59 тысяч кавалеристов и 1200 орудий⁴. Другой даже называет цифру чуть менее 500 тысяч человек, из которых только половина годилась для участия в военных действиях. Если кто-нибудь начнет считать солдат по национальным группам, число участников похода станет более правдоподобным: 145 тысяч французов, 30 тысяч пруссаков, 45 тысяч итальянцев, 25 тысяч немцев, 30 тысяч австрийцев, 70 тысяч солдат других национальностей, собранных вместе, а кроме того, большой кавалерийский резерв и Старая и Молодая гвардия – отборные части, не входящее в общее число французских солдат. Указанное количество не включало в себя сопровождающих армию людей, так что, получив нечто среднее после оценки всех источников, можно полагать, что реальная военная сила действующей армии превышала 350 тысяч человек с более чем тысячей орудий и порядка 150 тысяч человек, сопровождающих армию (некомбатантов), из которых более всего было маркитантов, погонщиков скота и торговцев. Все они работали за линией основных военных коммуникаций. Большое количество войска и гражданских, оставленных в гарнизонах на всем пути следования армии, действовали севернее или южнее направления движения основного войска.

Как уже было сказано, участники похода имели разную военную выучку. Среди французов более половины, включая всю гвардию, были ветеранами, некоторые из них недавно перевелись из военных гарнизонов, расквартированных в Испании и тихой Германии. В основном это люди, сражавшиеся вместе с Наполеоном в итальянских кампаниях и еще в 1799-м маршировавшие через Синайскую пустыню, чтобы осадить Акр. Вряд ли среди них нашелся хотя бы один, кто не принимал участия в серии блестящих побед, венчала которую великолепная пятерка: Маренго, Аустерлиц, Йена, Фридланд и Ваграм. Среди ветеранов было немало таких, кто, несмотря на возраст, уцелел во всех этих войнах. Это, например, солдат Старой гвардии

⁴ По данным СЭС, силы французов на начало войны составляли около 610 тысяч человек.

Бургойнь, чьи воспоминания о кампании являются самыми красочными военными мемуарами, которые когда-либо мог написать армейский сержант любой армии. Ветераны Великой армии, эти ворчуны, в совершенстве освоили науку выживания. Едва ли какая-нибудь сила могла их одолеть, и, хотя большинство из них имели мало уважения к различным авторитетам, включая императора, они были глубоко привязаны к своим полкам и своим товарищам.

В Великой армии без преувеличения говорили, что даже крысы дохли с голоду там, где проходили ветераны. Эти люди могли маршировать и неделями сражаться за урожай награбленных капустных листьев. Они не имели семей, которые бы связывали их за пределами казарм. Они жили, чтобы сражаться и грабить, и свидетельства их непобедимости восходят еще к тем дням, когда Дантон и другие республиканские ораторы набирали армию из мальчишек, чтобы наголову разбить профессиональные армии королей Европы, бросивших вызов революции. Их преданность, если о ней вообще можно говорить, принадлежала только императору, хотя они могли и критиковать его, если дела шли плохо или если они сомневались в мудрости принятых им решений. Эта группа, ядро его войска, усиливалась и другими такими же мужественными кадрами, вроде молодых офицеров, наподобие Марбо, который вырос под грохот орудий и возмужал под бронзовыми наполеоновскими орлами и чей военный опыт в его 25 лет был несравнимо выше, чем военный опыт большинства старших офицеров любой армии в истории. Немало таких людей находилось и в простых полках, их присутствие служило примером для новобранцев и придавало им мужества в их первой кампании.

Боевые качества войск союзников тоже были очень разными. Самыми преданными и наиболее агрессивными из всех Наполеон считал поляков, многие из которых сражались вместе с французами еще с того момента, как Бонапарт вступил в Варшаву в 1807 году, и чьи уланы считались одними из лучших в его армии. Следующими после поляков энтузиастами, ввязавшимися в это предприятие, были некоторые из южных немцев, согласившиеся скорее воевать на стороне французов, чем быть вместе со своими северными братьями – пруссаками. После них шли некоторые итальянские полки под командованием пасынка Наполеона, принца Евгения де Богарне. Несмотря на свое южное происхождение, эти люди пережили суровую русскую зиму намного лучше многих северян, и, кроме всего, это были войска, заслуживавшие доверия. В конце этого списка шли австрийцы, участвовавшие в кампании потому, что Наполеон недавно женился на дочери их императора, и малые национальные группы: испанцы, чье правительство воевало с Францией на другом конце Европы, португальцы, правительство которых активно поддерживало Веллингтона в борьбе с Наполеоном на испанском полуострове, и голландцы, чья родина уже присоединилась к Франции, а на ее троне сидел брат Наполеона, Луи, которого корона только тяготила, из-за чего он впал в немилость.

Самое слабое звено императорской армии, без сомнения, 30 тысяч пруссаков, размещенных по самому левому флангу, куда они попали за свои настроения. Пруссия продолжала страдать после катастрофических поражений при Йене и Ауэрштадте и медленно возвращалась к жизни как единая нация, ожидая того дня, когда она вернет себе былую независимость. Патриотизм еще теплился среди гражданского населения прусских городов и деревень. Тугендбунды – национальные освободительные союзы – уже набирали силу, только подогреваемые жестокой политикой французов, как никогда при спокойной обстановке. Французский курьер, в одиночку скачущий по Пруссии, мог не опасаться за свою жизнь так, как в оккупированной Испании, где французов с постоянно возрастающим риском вынуждали перемещаться от одного военного поста до другого.

Впрочем, сила наполеоновской репутации позволяла удерживать эту многоязыкую армию вместе вплоть до поражения. Никто не мог предвидеть, что военная машина такого качества и таких размеров будет уничтожена в течение недель. Когда это случилось, не особо ревностные союзники разбежались, как шайка разбойников. Не пройдет и пяти месяцев с момента возвращения Наполеона во Францию, как выжившие в этом походе солдаты союзных

контингентов пойдут воевать против него, те же, кто остался с императором, соберутся дезертировать с поля боя, что многие из них и сделают во время Саксонской кампании следующего года.

Выпавшие на долю почти сорокатрехлетнего Наполеона трудности едва ли повлияли на его физическую форму. Он, страдая от редких приступов болезни мочевого пузыря, все еще был в состоянии провести весь день в седле, а ночью диктовать свои приказы. Его ум живо реагировал на непредвиденные обстоятельства, и единственным, что могло повредить этому, была присущая императору тенденция избегать возможного риска при принятии решений. Один из случаев такой «предусмотрительности» случайно совпал с обострением болезни мочевого пузыря и, наверное, стал причиной поражения в этой кампании.

Под прямым командованием Наполеона находилось несколько самых блестящих солдат всех времен, людей, чьи легендарные имена, личная доблесть и тактическая выучка были бесспорными в глазах их врагов.

Первый корпус возглавлял маршал Даву, суровый профессиональный солдат, чья настойчивость, строгость по отношению к непокорным штатским и нешуточное чувство долга снижали ему прозвище «железный маршал». Будучи фанатично преданным Наполеону, он был блестящим стратегом, наверное самым лучшим из маршалов. Его личная репутация оставалась незапятнанной даже тогда, когда Наполеон лишился своей власти. Он – единственный офицер высшего ранга во Франции, который с чистой совестью мог вернуться под Наполеоновы стяги с орлами после побега императора с острова Эльбы в 1815 году.

Вторым корпусом командовал маршал Удино, сын пивовара, когда-то бывший гренадером. Вскоре его армия отделится от основных сил, и он будет вынужден вести самостоятельную войну против Витгенштейна на левом фланге. Удино – бесстрашный человек – становился, однако, импульсивным, когда рядом не было руководящей руки Наполеона. Успех операции здесь, на левом фланге, обусловился тем фактом, что Удино был ранен в начале кампании и командование перешло к блестящему и эксцентричному Сен-Сиру, бывшему мастеру на все руки, получившему свой маршальский жезл в России, что само по себе явилось уникальным достижением.

Несравненный Мишель Ней командовал Третьим корпусом, находясь в самом центре и возглавив пехотное наступление. Ней, блестящий тактик, считал, что для объективного планирования нужен трезвый расчет. Обычно он находился в гуще сражения, среди своих стрелков и поэтому не мог осуществлять руководство повсюду, но как лидер и вдохновитель солдат он не знал себе равных. В этой кампании он заслужил безграничное восхищение как у друзей, так и у врагов.

Принц Евгений, здравомыслящий замечательный человек, пасынок Наполеона, смелый, умный и безгранично преданный императору, командовал Четвертым корпусом, состоящим из итальянцев. Он с лихвой прославился во время этого похода. Князь Понятовский, польский патриот, командовал Пятым корпусом. Шестой корпус в начале кампании, до момента ранения Удино, возглавлял Сен-Сир. Генерал Ренье, большой друг Нея и такой же, как он, ветеран, бесстрашный в бою, командовал Седьмым корпусом, а охотник до удовольствий младший брат Наполеона Жером, король Вестфалии, неудачно выбранный командиром Восьмого корпуса, находился на правом фланге Великой армии.

Жером не долго продержался на своем посту. Вскоре его сняли, и он, преследуемый гневом своего ужасного брата, отправился домой.

Маршал Виктор, бывший мальчишка-барабанщик и до революции сержант, напыщенный, импульсивный человек, которого никто не любил, с репутацией агрессивного бойца, сопровождавшей его уже очень давно и ставшей впоследствии причиной многих бед для его товарищей, командовал Девятым корпусом.

Маршал Макдональд, сын выходца из шотландского клана, командовал ненадежными прусскими солдатами на левом фланге. Он не принял в кампании такого активного участия, как остальные. Маршал Ожеро, бывший лакей и «солдат удачи», возглавлял Одиннадцатый корпус, но оставался с гарнизонами в Германии, в то время как основные силы армии продвигались в глубь страны. Маршал Мюрат, зять императора и самый известный кавалерист в мире, командовал Двенадцатым корпусом, находящимся в центре, и был задействован всю дорогу до самой Москвы.

Мюрат, наверное, самый колоритный из людей, окружавших Наполеона. Он славился демонстрацией на поле боя своего блестящего позерства, проявлявшегося в экстравагантных нарядах, которые он себе придумывал, и плюмажах. Вооружившись золотым маршальским жезлом, Мюрат лично возглавлял многие из своих атак, и, еще до появления армии в Вильно, его балаганные выходки уже стали предметом обсуждения на биваках казаков, на которых они действовали как красная тряпка на быка.

Шварценберг, австрийский генерал, находился на самом краю правого фланга вместе с Тринадцатым корпусом, состоявшим из австрийцев, против их воли втянутых в эту войну. Через несколько месяцев он предаст французов. Пройдет чуть более года, и он возглавит войска Габсбургов в новой коалиции, созданной для того, чтобы разжать сдавившие Европу имперские тиски.

Вместе со Старой и Молодой гвардией, состоявшей из 40 тысяч ветеранов-усачей, были трое других известных военачальников, маршалов и командиров, прошедших самую лучшую выучку в наполеоновской школе ведения войны. Старой гвардией командовал Бессьер – вежливый, спокойный и внимательный человек, безгранично преданный своему императору.

Мортье, сын мелкого фермера, возглавлял Молодую гвардию. Во время отступления, похоронившего репутацию многих, он сумел сохранить свою честь. У добродушного великана Мортье никогда не было врагов, а восхищавшиеся им британцы выражали в его адрес намного больше комплиментов, чем столетие спустя Восьмая армия Монтгомери в адрес генерала Роммеля⁵. Солдаты очень любили и его, и Бессьера. К третьему маршалу, скакавшему вместе с гвардией, пятидесятилетнему Лефевру, некогда королевскому сержант-майору, а теперь герцогу, ветераны испытывали не только уважение, но и глубокую привязанность. В самые трудные дни отступления маршал демонстрировал мужество и стойкость, которые сделали бы честь и намного более молодому человеку.

Вместе с армией двигались шесть соединенных между собой обозов и один осадный парк, которым командовал генерал Эбли, невероятно способный сапер, по этому случаю спешно выписанный из Испании. Но главное всех этих людей был работавший день и ночь мозговой центр армии Наполеона, маршал Бертье, участвовавший во всех войнах императора начиная с первой Итальянской кампании 1796 года.

Непоколебимая репутация Бертье как начальника генерального штаба была поистине превосходной. Он обладал феноменальной памятью и имел более высокие, чем у Наполеона, административные способности. Должность Бертье была очень сложной, поскольку многие маршалы испытывали неприязнь друг к другу и никто из них не мог смириться с тем, чтобы сражаться под командованием другого. Поэтому Бертье выступал еще и в качестве своего рода третейского судьи между соперниками, стремившимися к императору. Его физическая выносливость равнялась его блестящему таланту администратора. Маленького роста, аккуратно одетый человек с изысканными манерами, он мог днями идти без отдыха, сохраняя тем не менее такую же ясную голову, как и в первые часы похода. Бертье был незаменим до тех пор, пока помогал координировать стратегию других и не проявлял собственной инициативы.

⁵ Во Вторую мировую войну Бернард Лоу Монтгомери командовал Восьмой армией в Северной Африке, которая под Эль-Аламейном нанесла поражение итало-немецким войскам под командованием Роммеля.

4

Против этого великого множества, ведомого наиболее способной группой профессиональных солдат, которых когда-либо рождала одна нация за одно поколение, выступили русские армии, разбросанные далеко друг от друга и насчитывавшие, по слухам, около 200 тысяч солдат⁶.

Ими командовали три русских генерала, действовавшие независимо друг от друга, что значительно снижало их шансы на сопротивление этому потоку вторжения до тех пор, пока без лишнего промедления не установилось наконец единого командования. Так и случилось, но только после того, как они оказались на волосок от гибели по отдельности друг от друга, в лучших традициях Наполеона.

Обычно русскими армиями того времени командовали лично монархи. Именно это послужило причиной поражения при Аустерлице, случившегося в 1805 году, и, наверное, память об этом заставила Александра I пожинать плоды убежденности своих советников в том, что ему не следует единовластно командовать армией, а скорее удалиться на время войны в Санкт-Петербург.

История династии Романовых богата эксцентричными и загадочными царями, но Александр был, наверное, самой большой загадкой из всех. Никто, даже такой признанный психолог, как Наполеон Бонапарт, не мог понять его характера ни с момента их первой встречи на плоту в Тильзите, ни в тот день, когда царь, возглавляя победоносные эскадроны, вступившие в Париж, нанес визит вежливости бывшей жене своего противника. Даже много времени спустя последующие поколения русских, французов и британцев пытались дать свою оценку моральным и умственным достоинствам этого сильного, красивого и изящного человека, деспотично управлявшего миллионами русских, когда в 1812 году на их родину напали враги. Александр так и остался загадкой, идеалистом, героем и одновременно с этим человеком слабовольным, большие способности которого были так же бесплодны, как таланты чеховского интеллигента среднего класса. Он обладал телосложением и благородством Байарда, чьи подвиги лишены содержания и, соответственно, формы.

Его внешность, вне всякого сомнения, производила впечатление на окружающих. Современники говорят о том, что у него были глаза «небесно-голубого цвета». От своей матери, бывшей родом из Вюртемберга, он и некоторые из его наследников унаследовали великолепное телосложение, позволявшее им сочетать в себе недюжинную силу и необычную, почти женскую грацию. В любой момент, как уже говорилось, Александр мог принять позу небрежного величавого властелина, что могло очаровать даже такого необыкновенно проницательного человека, как Талейран. В то же время Александр в случае необходимости мог превратиться в полудикого казака-партизана.

Его отец, Павел I, царь в старых традициях, фанатично, до самодурства помешанный на дисциплине, в своих поступках руководствовался сиюминутными настроениями. Говорили, что Павел, наблюдая за офицерами, маршировавшими на плацу во время парада, был готов озолотить их или повесить в звании, если маневры выполнялись безупречно, и отправить в Сибирь за малейшую провинность. Все очень сильно зависело от его настроения. Павла ждала та же участь, что и многих русских правителей. Его сначала оглушили, а потом задушили солдаты дворцовой гвардии, и есть определенные подозрения, что его наследник был молчаливым соучастником убийства. Александру до конца своих дней так и не удалось избавиться от обвинений в отцеубийстве, и, пожалуй, это и еще его либеральное образование, полученное

⁶ По данным СЭС, русские войска насчитывали около 240 тысяч.

от французского воспитателя Лагарпа⁷, объясняет странности в его характере, проявившиеся во время такого богатого событиями царствования. На поверку он оказался искренним идеалистом с крайне либеральными для русского царя идеями. Ему привили взгляд на Французскую революцию как на прогрессивное и желанное событие, и после смерти своего отца он окружил себя молодыми людьми, горя желанием реформировать Россию от начала и до конца и поставить ее в один ряд с самыми конституционными монархиями Запада. Под их влиянием Александр стал заложником обещания, данного самому себе и состоявшего в том, чтобы дать России конституцию, отменить крепостное право, основать бесчисленное количество университетов и стать самым любимым монархом в русской истории. Он даже думал том, чтобы дать Польше независимость. А еще он хотел покинуть царский трон и заняться исследованиями природы. Так получилось, что ни один из этих достойных проектов никогда не осуществился. Он действительно основал несколько учебных заведений, но России пришлось ждать еще почти 100 лет, пока в 1917 году она не удостоилась недолго просуществовавшей конституции, в то время как крепостное право номинально отменили только в 1856 году⁸.

Но тем не менее было что-то очень трогательное и неподдельно отеческое в его отношении к русским людям в целом. Александр никогда не оставлял попыток то там, то здесь учредить какое-либо учебное заведение, чтобы вырастить в нем людей, способных поддержать будущее конституционное правительство, а его любовь к Родине, в избытке присутствовавшая у большинства русских людей, никогда не ставилась под сомнение.

Александр конечно же жаждал военной славы, что было свойственно всем Романовым, но жаждал славы освободителя, дающего гражданские свободы, о которых он действительно мечтал, и поэтому характерные черты сторонника строгой дисциплины, по счастью, отсутствовали в его характере. Он был законченным актером, и вместе с этим прирожденным дипломатом. Наполеон называл его «северный Тальма» и «сфинкс»⁹.

Воинские амбиции привели его к первому конфликту с Наполеоном, закончившемуся на Праценских высотах у Аустерлица, где Александр наблюдал, как на его глазах русскую армию наголову разбили. Заливаясь слезами, царь воскликнул: «Мы словно младенцы в руках этого гиганта!» Однако этот урок не прошел даром и в последующие семь лет во время своих уклончивых переговоров с Францией он познакомился с характером Наполеона намного ближе, чем любой из европейских самодержцев, настолько ближе, что, оказавшись в Париже спустя два года после вторжения Наполеона в Россию, он несколько самодовольно заметил: «А они говорили, что я глупец!» Впрочем, он ни в коей мере им не был. Во многих отношениях он был проницательным, настойчивым и решительным человеком, и в целом его поведение в течение нескольких следующих месяцев только подтвердило это. Александр играл с Наполеоном, как рыбак с большой рыбой, которая попалась на крючок, и решил и дальше придерживаться этой политики, хотя сначала и пережил шок от вторжения. Его твердость сохранять такую стратегию до логического завершения выражалась в замечаниях, которые он делал тем, кто предлагал ему заключить мир. «Скорее я отпущу бороду и до конца своих дней буду жить в Сибири, питаюсь картошкой», – спокойно сказал он. В России борода означала принадлежность к крепостным. Только крестьяне, призванные на военную службу, имели привилегию брить бороду.

Тем не менее с начала вторжения участие Александра ограничивалось игнорированием попыток Наполеона перейти от увертюры к главному действию. Настоящее руководство оборонительной кампанией принадлежало в первую очередь Витгенштейну, защищавшему со своей

⁷ Ошибка автора. Воспитатель Александра I Фредерик Сезар де Лагарп был швейцарцем. Возможно, Делдерфилд путает его с Жаном Франсуа де Лагарпом – французским драматургом и теоретиком литературы.

⁸ Ошибка автора. Крепостное право отменили в 1861 году.

⁹ Франсуа Жозеф Тальма – самый знаменитый французский актер того времени. Родился в 1763 году и дебютировал в Париже в роли Саида, в «Магомете». Его актерская карьера продолжалась и во время Консулата, и во время Империи. Наполеон был в восхищении от его игры и постоянно ходил на спектакли с его участием. Скончался Тальма в 1825 году.

небольшой армией Санкт-Петербург на севере, на левом фланге, Барклаю-де-Толли, командовавшему 120-тысячной армией, находившейся приблизительно в центре обороны, и князю Багратиону, стоящему с небольшой армией на юге. Четвертая армия, руководимая стремительным Чичаговым, увязла в боях с турками на Дунае и свою драматическую роль сыграла в более поздних событиях.

Из этой четверки Барклай-де-Толли и Багратион являлись наиболее интересными личностями, разница в характере которых была настолько велика, что послужила причиной многих неприятностей, пока оба они не оказались под единым командованием, начавшимся с назначения на должность главнокомандующего Кутузова, «старой северной лисицы» – ему нравилось, когда его так называли.

Предки Барклая – шотландцы, а сам он был литовцем, человеком чрезмерно осторожным, хорошо знавшим теорию ведения войны. Багратион познал искусство войны под знаменами неистового Суворова, о котором Байрон сказал: «герой и шут, полумерзавец, полудемон». Эти слова – точное описание Суворова: он был грозным противником на войне, способным вдохновить своих солдат на совершение невозможных подвигов, на доблесть и твердость, человеком, чья тактика ограничивалась только бешеными атаками на врага, где бы он ни появился. Багратион был вместе с Суворовым, когда этот демонический генерал очистил Северную Италию от французов, пока Наполеон находился в Египте, Багратион сопровождал Суворова во время его фантастического перехода через Альпы, после того как Массена разбил объединенные силы русских под Цюрихом¹⁰. Багратион с презрением относился к осторожности Барклая-де-Толли. Он хотел выйти в тыл французской армии, чтобы сделать отвлекающий маневр и тем самым либо остановить продвижение французов по направлению к Москве, либо заставить их воевать на два фронта.

Если бы его планы осуществились, только невероятное везение могло спасти его от окружения и уничтожения, попал бы он прекрасному тактику, генералу Жюно, одному из самых близких друзей Наполеона, а не Жерому Бонапарту, брату Наполеона, охотнику за юбками, который мог быть кем угодно, но только не солдатом.

Так получилось, что русские медлили с генеральным сражением на протяжении всей дороги от Вильно до Бородина, находившегося недалеко от Москвы. Под Смоленском основные русские армии, за исключением Витгенштейна, защищавшего Санкт-Петербург и противостоявшего левому флангу французов, объединились под командованием Кутузова. Князь Багратион погиб в Бородинском сражении под Москвой.

В это время Александр, выбравший тактику выжженной земли, вынудил французскую армию безнадежно растянуться по всей опустошенной дороге длиной в 500 миль. Может быть, теперь Наполеон задумался над словами генерала Раппа, беспшибанного французского сорви-головы, которые тот произнес во время небольшой вечеринки в Данциге, незадолго до начала вторжения. Наполеон тогда спросил у Бертье, начальника генерального штаба, и Мюрата, своего зятя: «Сколько лиг от Кадиса до Данцига?» Маршалы оказались слишком осмотрительны, чтобы дать ответ. За них ответил Рапп. «Слишком много!» – сказал он.

¹⁰ Бегство Суворова из Швейцарии в сентябре—октябре 1798 года – один из самых изумительных подвигов в военной истории. Французы под командованием маршала Массена разбили австро-русских союзников и оккупировали Цюрих. Французский альпийский стрелок Лекурб со своими солдатами защищал вершину перевала Сент-Готард. У русского главнокомандующего не было другой альтернативы, кроме бегства через горы в равнины, что он и сделал, преодолев тройное расстояние, построив солдат в одну шеренгу, состоявшую из 15 тысяч невероятно голодных и босых солдат. Наполовину замерзшая, шедшая сквозь горные туманы и ночевавшая там, где ее застанет темнота, русская колонна сумела уйти благодаря блестящему командованию Суворова и Багратиона.

Глава 2

Дон Кихот поневоле

*Ах, этот прекрасный народ!..
Вдовствующая императрица Мария Федоровна в 1812 году*

1

В своей прекрасно написанной книге «Наполеон Бонапарт. Взлет и падение» историк Д.М. Томпсон проводит интересную параллель между военными походами, которые совершили войска Наполеона, и расстояниями между современными городами в Великобритании. Для сравнения он представляет расстояние между Брайтоном, на южном побережье, и Эдинбургом как военный поход с несколькими привалами. Местами, где войско останавливается на привал во время этого воображаемого похода, становятся Лондон, Йорк, Дарлингтон и Бервик, которые означают Вильно, Витебск, Смоленск и Бородино, где Кутузов совершил остановку для решающего сражения.

Говоря о любом путешествии по России, мы склоняемся к одной мысли: путешествующему придется не только бороться с зимними холодами, но и учитывать, что в летние месяцы пеший бросок по бескрайним российским просторам может быть не менее изнурительным, чем марш-бросок в тропиках. Ветераны Великой армии и новобранцы в полной мере испытали на себе все прелести пешего похода начиная с момента переправы через Неман и марша на Вильно, куда они прибыли через пять дней.

Жара и облака душливой пыли стали главными врагами солдат, несмотря на то что летние дожди временами орошали дорогу, разбитую множеством ног и колес. Пехота растянулась по всей дороге, согнувшись под тяжестью обмундирования, мушкетов, патронов, штык-тесаков, ранцев и съестных припасов, в рядах солдат почти сразу же начался ропот. Во время этого сурового испытания пало большое количество лошадей, фуража не хватало, и животные гибли, объевшись неспелой ржи.

Вскоре среди солдат начались острые приступы колик, и как раз с первого бивака, разбитого на территории России, стало казаться, что недисциплинированность, столь несвойственная императорской армии во время прошлых блестящих кампаний, стала проникать в нее. Возможно, это было вызвано отступлением русских, которые находились на расстоянии многих миль от французов.

Авангард, которым командовали Ней и Мюрат, в течение долгого времени изнывал от бездействия, так и не увидев достойного количества русских. Недисциплинированность распространилась и среди большого количества иностранных солдат рядового и сержантского состава, к этому добавились разноязычие и соперничество между собой. Уже упоминавшийся сержант гвардии Бургонь, переправившийся через Неман 24 июня, до ночи с 28-го на 29 июня не слышал ни единого выстрела. Майор Марбо, командующий кавалерийским полком на левом фланге, который возглавлял старый гренадер Удино, вступил в бой днем позже, когда у местечка Вилькомир корпус Удино столкнулся с небольшой, мужественно сражавшейся армией Витгенштейна, стоявшей по дороге на Санкт-Петербург.

Между тем не было недостатка и в разных предзнаменованиях. За день до генерального наступления Наполеон, одетый польским офицером, очень неудачно упал с лошади, резко отскочившей от пробегавшего мимо зайца, тогда как в Вильно, некоторое время спустя, император Александр чуть было не получил серьезных травм, когда под его стулом провалился пол.

В то время никто не задумывался над этими неприятными случайностями. Наполеон пользовался дурной славой плохого наездника, а в России всегда хватало «потемкинских деревень».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.